

Уверенность Хуай Яня больше смахивала на попытку выдать желаемое за действительное. Но как иначе, если человек, погибший три года назад, внезапно восстал из мёртвых? Одно лицо, тот же характер, даже аллергия на шерсть — один в один...

Чтобы окончательно убедиться, Хуай Янь отправил Сян Мо сообщение в «Умном мессенджере»:

— У тебя аллергия на шерсть?

Ответ пришёл мгновенно:

— Откуда ты знаешь?

Глядя на эту строчку, Хуай Янь уже не мог убедить себя, будто происходящее — лишь дикое совпадение. Он сжал считыватель так, что побелели костяшки, а кончики пальцев налились багровой кровью.

Едва утихшая в душе хладнокровная выдержка, которую смыло горячей водой в душе, снова дала трещину. Хлынувший поток эмоций в мгновение ока затопил зияющую пустоту в груди.

Отослав остальных, Хуай Янь оставил только Ци Еляня и, переодевшись, прошёл в кабинет.

Едва он переступил порог, Елян спросил первым:

— Брат Янь, думаешь, стоит поднять дело о той катастрофе на Подземной реке?

Именно ради этого Хуай Янь и задержал его. Ци Елян занимал должность его заместителя не только благодаря преданности и навыкам боя. В быту Елян мог казаться неотёсанным упрямцем, но в серьёзных делах никогда не подводил.

— За этим я тебя и оставил, — Хуай Янь достал с полки плотный конверт из крафтовой бумаги, хранивший материалы расследования трёхлетней давности.

Елян принял конверт и быстро пробежал глазами документы. Сухие строчки до сих пор отзывались тупой болью.

— Мы вели это дело почти год. Помню, как не хватало людей и господин Хуай-старший прислал нам подкрепление. Полгода рыли — и всё впустую. Вывод один: природная катастрофа, оползень. Где мы могли упустить нить?

Взгляд Хуай Яня потемнел. Чжу Чэньюань когда-то был правой рукой его отца. Когда

случилась трагедия на Подземной реке, отец от горя слёг в больницу.

Та экспедиция из четырёх человек отправлялась по его личному приказу. И не выжил никто. Похороны устроили с небывалым размахом — весь Подземный город узнал, что возлюбленный Хуай Яня погиб.

Хуай Янь посмотрел в окно. В Подземном городе начинался новый день: за стёклами пульсировала жизнь, на далёкой площади колыхалась толпа, доносился отголосок чужого веселья. Но этот праздник был чужим. Три года назад радость навсегда покинула его мир.

Пальцы привычно скользнули к рукояти клинка на поясе, ощупали ажурный резной узор и гладкую грань сапфира. Прошло немало времени, прежде чем взгляд Хуай Яня снова стал чистым и твёрдым:

— Начнём всё сначала. Но на этот раз — втайне от моего отца и его людей.

— Понял.

О событиях прошедшей ночи Хуай Янь отдал жёсткий приказ: ни единого слова о Сян Мо наружу.

Параллельно он поручил Елянню тайно разыскать пропавшего Чи Юняня, а заодно поднять подноготную самого «Сян Мо» — от дня рождения до сегодняшней минуты. Ему требовались неопровержимые доказательства.

Дождаться начала рабочего дня в Центральной больнице Хуай Янь не стал. Он сел за руль и помчался прямо к дому Лу Ечи. Едва он занёс руку над дверным звонком, Ечи сам переступил порог, собираясь на службу.

Лу Ечи был его давним другом и гениальным нейрохирургом. В тринадцать лет тот поступил в медицинский университет, а в девятнадцать уже проводил сложнейшие операции, с которыми не справлялись даже медицинские автоматы. И он оставался единственным врачом, которому Хуай Янь верил без оглядки.

Заметив друга, Ечи замер. Они знали друг друга много лет, но таким — потерянным, срывающимся — Ечи видел его лишь однажды, три года назад, когда не стало Чжу Чэньюаня.

Хуай Янь судорожно прикурил, пальцы едва заметно дрожали, выдавая охватившую его панику и отчаянную жажду найти ответы.

— Что с тобой? — спросил Ечи.

Хуай Янь горько усмехнулся и задал странный вопрос:

— Ечи... может ли человек полностью превратиться в кого-то другого?

Врач нахмурился:

— К чему ты это? Что случилось?

— Садись в машину, подвезу до больницы. По дороге всё расскажу.

Ечи уселся на пассажирское сиденье, поправил тонкие очки и попытался успокоить друга:

— Не торопись, выдохни.

Хуай Янь перевёл автокар в режим автопилота, но сам продолжал смотреть на Ечи расфокусированным, устремлённым куда-то сквозь него взглядом.

— Я столкнулся с чем-то диким. Мне нужен твой совет. Скажи мне как эксперт: способен ли человек стать совсем другой личностью?

Ечи немного подумал:

— Ты имеешь в виду диссоциативное расстройство идентичности? То, что называют раздвоением личности?

— Не исключено. Но есть нюансы.

— Чтобы сказать точно, нужно обследование, — Ечи решил, что симптомы проявляются у самого Хуай Яня, и попытался его ободрить: — Не паникуй. Приедем в клинику, я проведу полную диагностику. Это поддаётся терапии, современные препараты отлично купируют подобные состояния.

— Дело не во мне, — перебил Хуай Янь. — Речь о... крайне важном для меня человеке.

— Тогда привези его ко мне, я устрою осмотр.

— Я постараюсь, — Хуай Янь помедлил. — А если зайти с другой стороны? Способны ли мы с помощью современных технологий полностью переписать память человека?

Услышав о стирании и редакции памяти, Ечи как нейрохирург не удивился самому термину, но его озадачил сам вопрос.

— Это не совсем мой профиль, хотя подобный прецедент был. Лет двадцать назад, когда я ещё учился в академии, коллега моего научного руководителя занимался этой темой. Если по-простому — пытался ослабить или полностью стереть психотравмирующие воспоминания. К нему обратился пациент, переживший три дня адских пыток. Эти воспоминания ломали ему жизнь, и он умолял об операции.

— И ему провели её?

— Да. Но технологии тогда были сырыми, а человеческий мозг слишком сложен. Во время вмешательства произошёл сбой: вместо уничтоженных трёх дней в сознании пациента сформировался совершенно иной, цельный пласт воспоминаний. Посторонний, но невредный. Дорабатывать ничего не стали.

— Всего три дня... — пробормотал Хуай Янь. — А если стирают не три дня? Если переписывают тридцать лет жизни? Всё до единого дня, превращая одного человека в совершенно другого?

Ечи хотел было категорически возразить, что это невозможно, но осёкся. Практика научила его: в медицине невероятное случается слишком часто.

— После того случая мой сокурсник загорелся этой идеей, — тихо ответил Ечи. — Они с командой подали заявку на эксперимент по интеллектуальному редактированию и рекомбинации памяти. Но проект заблокировали по этическим соображениям.

— И где они сейчас? — в голосе Хуай Яня вспыхнула надежда.

— Во время смуты в Подземном городе их лабораторию взорвали. Никто не выжил, даже тел не нашли.

Ечи сочувственно вздохнул и добавил:

— Тот пациент — единственный известный случай. И успешным его не назвать. Через год у него начались тяжелейшие побочные эффекты: галлюцинации, психоз. Всё закончилось суицидом.

— Значит, ни одного успешного опыта... — тихо прошептал Хуай Янь. — Неужели я и правда ошибся?

Но ведь Сян Мо и Чжу Чэньюань совпадали во всём: внешность, голос, манеры, даже чёртова аллергия...

Автокар плавно замер у главных ворот Центральной больницы. Выходя, Ечи обернулся:

— Если кому-то действительно переписали всю память, побочки неизбежны. Такие же, как у того бедолаги.

Сердце Хуай Яня пропустило удар:

— Какие побочки?

— Поражение нервной системы. Нарушения моторики, сбои восприятия, проблемы со зрением, слухом, вспышки аффекта, провалы в памяти... У каждого всё индивидуально.

Сян Мо вернулся на улицу Миинь. Прохожие то и дело окликали его.

В Тринадцатом районе он был фигурой неоднозначной. Одни скрежетали зубами при одном его имени, зато другие относились с глубоким уважением — Сян Мо не раз выручал их самих или их детей. Две начальные школы, средняя школа и местный приют функционировали благодаря его пожертвованиям.

— Брат Мо, что-то ты сегодня рано!

— Будет время — заходи в карты перекинуться!

— Брат Мо, возьми паровые булочки с говядиной, только из печи!

— Брат Мо, на тебе лица нет... Совсем бледный!

Сян Мо потёр виски и отмахнулся:

— Не до карт сегодня, ребят. И без еды... Старая болячка прижала, башка разрывается.

Внезапный приступ боли едва не сбил его с ног. Казалось, кто-то со всего размаха вогнал топор прямо в темя, раскалывая череп пополам.

Мучительные головные боли были платой за его феноменальную память. Ему приходилось сидеть на анальгетиках. Врачи на обследованиях разводили руками: мозг в идеальном порядке. Единственное объяснение — перегрузка. Избыток информации доходил до критической точки, и нервная система взрывалась болью.

Спасался Сян Мо просто: старался не ворошить прошлое.

Но сегодняшняя встреча с Хуай Янем смешала все карты. Слова о «погибшем возлюбленном» заставили память работать на пределе. С той самой минуты, как он увидел Хуай Яня в клубе, кадры его тридцатилетней жизни мчались в голове бешеной каруселью.

Он пытался остановить этот хаос, но при мысли о лице Хуай Яня мозг отказывался подчиняться. Он судорожно рылся в монолитной стене воспоминаний, пытаясь отыскать хоть крошечный намёк на Хуай Яня.

Намёка он не нашёл, зато спровоцировал сильнейший приступ.

Сян Мо понял: на этот раз легко отлежаться не получится. Сознание туманилось. Он схватил Линь Сыханя за плечо и, тяжело дыша, навалился на него всем весом:

— Сяо Хань... быстро... домой. Мне нужно принять лекарство.

Сыхань, знакомый с ним всего пару недель, перепугался, но спорить не стал — подхватил Сян Мо и потащил к Переулку 65. Соседи, заметив неладное, помогли довести его до дверей.

Едва они переступили порог, с Сян Мо градом повалил пот. В глазах темнело. Из последних сил он выдвинул ящик тумбочки, дрожащими пальцами вытряхнул две белые таблетки и швырнул их в рот. Лекарство застряло в сухом горле, вызвав тошнотворный спазм. Сыхань подал стакан холодной воды. Сян Мо жадно выпил его, наконец протолкнув таблетки в желудок.

Сильнодействующий препарат сработал быстро: дикая боль начала утихать. Сян Мо провалился в тяжёлое беспамятство.

Но даже во сне его тридцать с лишним лет продолжали прокручиваться перед глазами, каждую секунду твердя:

«Ты — Сян Мо. Вот твоя жизнь».

Только этой ночью привычный сон изменился. В нём появился новый образ — Хуай Янь.

Его покрасневшие от слёз глаза, тонкий запах, прикосновение прохладных пальцев к коже, когда тот связывал ему руки... Жаркое дыхание, обжигавшее лицо, и глубокое, отчаянное одиночество во взгляде, когда Сян Мо давал свои ответы.

Тоска Хуай Яня казалась почти осязаемой.

Все эти детали, собранные за одну ночь, вступили в странную реакцию с сознанием Сян Мо. Ему казалось, будто он упустил нечто невероятно важное. За безупречно чёткими воспоминаниями скрывалась непроглядная молочно-белая пелена. И именно там, за этой завесой, таилась правда.

Во сне Сян Мо не мог оторвать взгляда от глаз Хуай Яня. Он видел, как эти глаза рушатся, рассыпаясь на тысячи осколков, и ему безумно хотелось подставить ладони, собрать их и бережно склеить воедино.

Сквозь дрему он слышал тревожный шёпот Линь Сыханя, спрашивавшего, не вызвать ли врача. Сян Мо что-то пробормотал в ответ — мол, всё в порядке, надо просто выспаться.

К счастью, кроме головной боли, другие, куда более опасные симптомы на этот раз его не коснулись.

Сон снова увлёк его за собой. Смутный силуэт мужчины удалялся, уходя в белёсый туман. Сян Мо бросился следом. Силуэт становился чётче. Он разглядел белую рубашку, промокшую от пота и липнущую к спине. Сквозь полупрозрачную ткань просвечивали очертания лопаток, а узкая талия уходила под чёрный кожаный ремень.

Ниже изгибалась линия бёдер.

У Сян Мо пересохло во рту. Он провёл языком по губам, с трудом отведя взгляд от этой тонкой талии, и перевёл его выше — на изящную, белую шею. Влажные, чуть выющиеся тёмные волосы растрепались, и капли пота медленно стекали по коже, огибая крошечную чёрную родинку у основания черепа.

Хуай Янь.

Рассудок Сян Мо, пытавшийся сохранить хладнокровие, окончательно сгорел дотла. Сян Мо подался вперёд и сгрёб мужчину в охапку, прижимая к себе так крепко, словно обрёл давно утраченное сокровище.

Движения казались привычными, доведёнными до автоматизма тысячами повторений. Вдыхая знакомый аромат, Сян Мо прильнул губами к шее Хуай Яня, накрывая ртом чёрную родинку, и начал жадно её целовать.

Этого было мало. Категорически мало.

Простое прикосновение не могло потушить дикий огонь, пылавший в жилах. Сян Мо чуть отстранился, а затем широко раскрыл рот и вонзился зубами прямо в эту родинку.

Хруст прокушенной кожи прозвучал в его голове подобно вспышке салюта. Солёная, горячая

кровь хлынула на язык, обжигая горло и стекая прямо к сердцу.

Сян Мо хотел выпить его до капли — и одновременно влить в него всего себя.

Первобытный инстинкт полностью подчинил его тело. Ни мыслей, ни контроля.

Только этот укус.

И боль наконец отступила.

Это погружение в безумие было... прекрасным.

<http://bllate.org/book/20433/2111874>